

Гражданское общество, гражданская позиция и СМИ

Владимир ЛЕПЕХИН, продюсер общественно–политических программ телекомпании "ВИД"

Сегодня постановка проблемы "формирование гражданской позиции личности средствами массовой информации" кажется немножко смешной и странной.

Лет 15 назад вообще никаких вопросов бы не возникло в связи с формированием гражданской позиции. Что такое гражданская позиция, было понятно – в самых общих чертах, но понятно. Почему средства массовой информации должны были формировать эту позицию, тоже было понятно. Это была важнейшая функция советских средств массовой информации, которые были больше средства массовой пропаганды, хотя и функцию информирования тоже выполняли.

Сегодня для решения этой проблемы требуется ответить на серьезные вопросы.

Первый вопрос: "Знаем ли мы, что такое гражданская позиция?". И второй вопрос: "Должны ли средства массовой информации формировать эту гражданскую позицию?". В любом случае возникают вопросы о роли и функциях средств массовой информации по отношению к гражданской позиции.

Для начала, что касается так называемой гражданской позиции. Я сегодня впервые задумался над тем, а что же такое гражданин с точки зрения этимологии этого слова? Потому что мы привыкли в литературе встречать такую точку зрения, что были граждане, скажем, Древней Греции, и как–то у нас такая ассоциация возникает, что слово "гражданин" – это слово древнее, не русское, может быть, греческое. На самом деле, гражданин – это горожанин, я не знаю, как греки называли не плебс, а тех людей, которые постоянно проживали в Афинах и которых Афины признавали своими. А вот в английском языке "гражданское общество" – "civil society", т.е. речь идет о цивилизованном обществе, по сути, а не о гражданском. А "гражданин" – русское слово. И вот в этой связи возникает масса проблем, уже исходя из этимологии.

Само слово несет в себе конфликт, и когда в 1989 году у нас стали появляться первые публикации на тему гражданского общества, то доминировала такая трактовка, что гражданин – это человек, заведомо продвинутый, который осознает свое место в обществе, который занимает активную, в том числе и в политическом смысле, позицию. Была такая интерпретация понимания термина "цивилизованное общество" – "civil society". То есть считалось, что гражданское общество – цивилизованное общество, гражданин – это цивилизованный человек. А тот, кто несовременный, кто не осознает своей активной позиции, в том числе по отношению к власти, он – не гражданин.

Здесь возникло противоречие, потому что в русском языке гражданин – это всего–навсего горожанин. И, по сути, гражданин – это человек, который осознает свою идентичность с тем местом, где он живет, причем многопланово, в национальном, культурном смысле, в экономическом и т.д., и т.п.

Апогей в дискуссии по поводу содержания понятий "гражданин", "гражданский" пришелся на 1990–1991 годы. В частности, тогда на эту тему очень много статей публиковала Новодворская. У нее это была идея–фикс. И ее точка зрения состояла в том, что в любом обществе есть граждане и неграждане. Граждане – это те, кто выступает против власти, против режима. А вот те, кто не выступает, кто как стадо себя ведет, – они не граждане. Если они не борются с режимом, значит, они вообще не достойны быть гражданами. Более того, она говорила о гражданской войне в том смысле, что гражданская война имеет право быть в обществе. Но не с точки зрения борьбы одних граждан с другими, а с точки зрения борьбы граждан против режима и граждан с негражданами. И ссылалась на американского писателя–фантаста Ханлайна. Она говорила, что будто бы Ханлайн в одном из своих романов пишет о том, что права в обществе должны иметь только граждане, которые своей борьбой за свободу, за независимость получают права и привилегии, в том числе и политические.

Поскольку у нас Ханлайна почти никто не читал, в том числе и журналисты, никто этот тезис не оспаривал. На самом же деле Ханлайн описал ситуацию в далеком будущем, когда некоторые люди получали исключительное право служить в космосе. Это право нужно было завоевать беззаветным служением стране или Земле, высоким IQ, отличными оценками в учебе, физическим здоровьем и т.д. Статус гражданина давал только одно–единственное эксклюзивное право – служить обществу.

А у нас получила распространение совершенно другая точка зрения, что есть граждане – и это демократы, а кто не демократ, значит – не гражданин. Я не оспариваю эту точку зрения, я говорю о

том, что само понятие "гражданский" изначально в себе несло конфликт

Потому и возникла дискуссия по поводу того, чем отличаются гражданин–демократ и гражданин–патриот? Гражданин мира и гражданин страны? И это нормально, поскольку начинался процесс идентификации, т.е. люди начали думать: "По отношению к чему я гражданин?"

В Великом Новгороде было понятно, что граждане – это те, кого жители города признавали своими (т.е. гражданин – наш), а они, соответственно, этот город признавали своим, потому что они там жили. По этой оценке – "свой–чужой" – возникала идентичность по отношению к месту, по отношению к национальной, культурной и прочей среде.

В советское время существовала одна политическая структура, одна партия. Советский Союз единый, поэтому каждому человеку было понятно, что юридически он – гражданин СССР, следовательно, в социально–политическом плане он тоже гражданин этой страны, он должен быть лоялен по отношению к системе, по отношению к власти. Понятно было, что такое гражданская позиция: гражданская позиция формировалась институтами власти, следовательно, средства массовой информации должны были эту гражданскую позицию проводить, внедрять, формировать, пропагандировать и т.д.

Но сейчас Советского Союза нет, есть какая–то другая Россия, другие страны, единой структуры власти нет, как следствие – гражданской позиции, которая формировалась идеологической, административно–политической системой, нет. Сразу возникла масса вопросов.

Первый вопрос, как я уже сказал, это – чем отличаются гражданин–патриот, гражданин–демократ, гражданин мира, гражданин страны? А может быть, существуют гражданин поселка, гражданин города, гражданин еще чего–нибудь, например, национальной общины? Второе. Существует многоаспектность этой проблемы. Например, есть юридический момент, он предельно формален и в этом смысле предельно конкретен. Если я имею паспорт гражданина России, то в юридическом смысле я – гражданин России, у меня нет второго гражданства. С этим все понятно. А в социально–психологическом плане, в национально–культурном здесь уже возникают проблемы.

Например, для русского, у которого существует одна страна, и в этой стране он – большинство, и никакой другой русской страны не существует. То есть в России он свой. И это одна степень и один вид идентичности. А, допустим, француз, который заимел российский паспорт, женился, он – гражданин Франции и гражданин России, у него есть своя, тоже достаточно великая держава, Франция, таким образом у него может быть какая–то дуалистичная гражданственность, если он будет иметь еще и российский паспорт.

У эстонца, который живет на территории России и имеет российский паспорт, есть свое государство – Эстония. Отношения России и Эстонии достаточно сложные. Эстония относится к России несколько враждебно, а потому у эстонца, проживающего в России, совершенно другие степень и вид идентификации. Главный вопрос: "В каком смысле признают себя гражданами России проживающие в ней люди, несмотря на то, что они имеют российский паспорт?". Например, мариец, у которого есть республика в России, но нет другого государства за пределами России. Или ассирийцы и курды, которые вообще не имеют никакой государственности ни в России, ни за ее пределами, но могут иметь какую–то общину, – у них какая степень идентификации? Гражданами чего они себя считают? Какой общности, какой страны? В политическом плане то же самое: совершенно разные отношения у людей к власти, к обществу. Что считать гражданской позицией? Или я критически отношусь к власти и себя считаю частью общества – в противовес власти, или я себя считаю частью государства как единого целого, как страны, не разделяя идеи власти и общества, – это же два совершенно разных мироощущения.

В экономическом смысле существует такое понятие "уклад". С экономическим укладом связана история любого народа, связаны его традиции. В досоветское время в России существовали конкретные экономические уклады. В советское время сложились иные псевдо– или квазиуклады: сверхиндустриальная экономика, основой которой являются сырьевые отрасли и военно–промышленный комплекс, специфический аграрно–промышленный комплекс и т.д. Но что сейчас происходит с экономическим укладом, совершенно непонятно.

Люди по–разному живут в экономическом смысле в Приморье, на Юге России, в Центре. Для Москвы экономический уклад состоит в том, что люди совершенно естественным образом осуществляют различные информационные, финансовые и прочие коммуникации, работая в офисах, а для Чечни совершенно естественным укладом является захват заложников и воровство нефти. Почему? Потому что в XVIII – XIX веках, когда Россия эту территорию заняла, был разрушен тот естественный уклад, который был характерен для этого народа.

Те сельскохозяйственные культуры, которые там выращивались, уже не выращивались после этого. Уклад, который принес Советский Союз, был искусственным по отношению к этой территории. А сейчас никакая другая экономическая деятельность в Чечне, кроме криминальной и патриархальной, невозможна, отсюда возникает своя гражданская позиция, которая зиждется на шариате, и никакого отношения она к той гражданской позиции, которая формируется на других территориях России, не имеет. И осуждать ее мы, может быть, не имеем права, потому что для этой территории, для Чечни, она является естественной.

Возникает вопрос: "Какую гражданскую позицию могут взять за основу средства массовой информации?". Средства массовой информации так же плюралистичны, как и общество, сегодня нет монополии на гражданскую позицию. И еще: сегодня невозможно назвать ни одного политика, который бы озвучил приемлемую для всех гражданскую позицию. Или хотя бы гражданскую позицию с точки зрения российского гражданина, который говорит на русском языке и считает Россию своей Родиной.

Таким образом, первая проблема заключается в том, что само понятие "гражданская позиция" сейчас очень сложно, оно может выработаться только через практику работы всех институтов власти, общества, средств массовой информации, и оно все равно будет очень многоликим, многоаспектным, в нем в зависимости от территории, от республики всегда будут различные нюансы. Хотя может быть сформирована какая-то доминирующая позиция. Ее может предложить, например, партия власти, партия, которая на выборах завоевала большинство мест в парламенте, сформировала правительство, следовательно, получила право на формирование идеологии. Используя средства массовой информации, она может внедрять ту гражданскую позицию, которая, с точки зрения этой силы, правильная. Но сейчас такой доминирующей силы в стране нет.

Теперь второй момент. Должны ли средства массовой информации этим заниматься сейчас? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, какова сегодня роль средств массовой информации вообще и в России, в частности. Мы говорим о том, что средства массовой информации – это четвертая власть, нам нравится так думать. Но если средства массовой информации – власть, то все равно встает вопрос о функциях, потому что, например, законодательная власть выполняет две функции: функцию законодательную и функцию представительную, исполнительная власть – функцию исполнения решений плюс немножко законодательной функции в ней присутствует, поскольку она осуществляет текущее оперативное управление. С судебной властью тоже вроде бы понятно: она является арбитром во всех спорах, которые возникают в обществе. Но если средства массовой информации – тоже власть, то какую функцию они выполняют как свою базовую? Информирование? Власть общественного мнения? Информирование – это функция средств массовой информации не как власти, а как профессиональной корпорации, условно говоря, не как инструмента, а как института. А как власть, СМИ – это власть общественного мнения, это обеспечение контроля общества над другими структурами и ветвями власти, над государством. То есть средства массовой информации должны обеспечивать связь – через информирование, через получение обратной связи – между обществом и другими властными структурами, обеспечивать контроль над ними "снизу".

Но опять возникает вопрос, даже несколько вопросов. Существует ли сегодня в России связь между средствами массовой информации и так называемым обществом? Если существует, то позволяет ли эта связь задействовать общество в плане контроля за властью? Это вопросы одного типа. И вопрос другого типа. Что такое общество, которое должно или могло бы при помощи средств массовой информации контролировать власть? Попробуем ответить на эти вопросы.

Итак, власть – это совокупность исполнительных, законодательных и т.п. институтов, которые осуществляют различные управленческие функции. А общество что такое? Существует социум, общество в узком смысле. В нем, как правило, существуют так называемые страты, т.е. социальные группы. По вертикали – это профессиональные группы: рабочие, врачи, колхозники и т.д., по горизонтали – социальный статус этих групп, т.е. элита, неэлитное большинство, так называемый средний класс. Можно девять основных страт выделить, можно шесть, кому как нравится.

Советский социум невозможно описать с точки зрения теории стратификации, потому что в советское время границы между стратами были размыты, разрушены. Общество стало тотально маргинальным, потому что был наложен административно-политический корсет, поломавший границы между стратами, которые формировались в течение тысячи лет естественным путем. Я не буду далеко вторгаться в социологию, возьмем для примера рабочий класс. Все знают, что рабочий класс в любой стране мира – это люди, занятые в сфере материального производства, это работники наемного труда, которые продают свою рабочую силу на рынке этого труда и получают заработную плату в виде части производимой ими стоимости. Но что такое советский рабочий

класс? Наемный работник? У кого? Если, по Конституции, все люди являются собственниками средств производства? Тогда у государства? Но государство общенародное, по Конституции. То есть непонятно, у кого наемные работники.

Дальше. Производит ли он потребительскую стоимость, если товар не продается на рынке? Рабочий произвел, например, обувь, а половина этой обуви была уничтожена, потому что она не продавалась. Какова ее рыночная стоимость – неизвестно, ведь цены устанавливаются сверху, а не рынком, и рабочий получает жалование, а не часть произведенной потребительской стоимости. А раз он получает жалование, значит, он не рабочий, а государственный служащий. Масса вопросов возникает по отношению к каждой социальной группе. Границы между стратами в СССР были размыты настолько, что понять, чем рабочий отличается от директора завода – не по распорядительным функциям, а в социальном смысле – было невозможно.

Между тем, каков генезис любой социальной группы в естественно развивающемся обществе? По мере развития страт происходит осознание интересов, возникают цеха, формируются цеховые интересы, создаются профсоюзы, затем – политические организации, которые продвигают интересы социальных групп. Мы знаем, как партии возникли на Западе, и почему существуют правые и левые партии, консерваторы и лейбористы, допустим, в Великобритании. Лейбористская партия строится на базе профсоюзов, консервативная – на базе клубов аристократов и т.д.

Политические партии выясняют отношения в борьбе на выборах, выдвигают своих представителей в парламент, парламент является общенациональной политической ареной, где эти фракции от разных партий тоже выясняют между собой отношения, но это то место, где происходит выработка компромисса. В конце концов, в результате компромисса или победы большинства принимаются законы, которые исполняются.

Но в советское время страты были размыты, общественных организаций не было. Те организации, которые назывались общественными, были госструктурами, созданными сверху. Не было политических партий (КПСС была государственной структурой, а не партией в подлинном смысле этого слова). Верховный Совет чем занимался? Выработкой компромиссов между различными социальными группами? Нет, люди "избирались" по анкете, по одномандатным округам, а реальные решения принимались над этой структурой, в Политбюро. Там вырабатывались решения и спускались в Верховный Совет, который голосовал "за". Ни одной фракции там не было, обсуждения не было, голосование было единогласным.

То есть в СССР существовала одна теневая структура власти. Что происходит в ситуации, когда эта структура стала разрушаться, с одной стороны, а с другой стороны, начался возврат общества в естественное состояние? Начинают формироваться полноценные страты.

Формирование страт, одновременно формирование общественных организаций, профсоюзов, формирование политических партий, полноценного парламента – длительный процесс. И все это пока в зачаточном состоянии: парламент, который должен выполнять две функции – законодательную и представительскую, но он эти две функции объективно выполнить не может. И в этой связи законодательная функция наполовину находится у правительства и у президента, а не у депутатов, а представительская функция наполовину находится в средствах массовой информации. Почему депутаты не могут выполнить представительскую функцию в Государственной Думе? Да потому, что реальной связи парламента с обществом нет. Разве депутаты представляют какие-то конкретные социальные группы? Ну, хорошо, половина Государственной Думы у нас избрана по мажоритарным округам, и они представляют как бы интересы регионов. А что такое представлять интересы регионов? Если бы депутат, представляющий Челябинскую область, приехал в Магнитогорск, собрал бы на площади народ и сказал: "Вот у нас будет обсуждаться вопрос по импичменту, как мне голосовать?". И народ бы сказал: "Против!". И тогда он с трибуны в Думе выступил и сказал: "Мои избиратели против". Но ни один из депутатов не проводит опросы избирателей, нет непосредственной формы общения его с народом. Поэтому все они лгут, когда говорят, что они голосуют от имени избирателей. Это первое.

Второе. Та часть депутатов, которая избиралась от партий. Но все партии – верхушечного типа, в основном московские, в основном в них люди – из административного звена, а не из народа. КПРФ, например, не партия рабочих, это известно. В 1997 году проводился опрос рядовых членов КПРФ, было опрошено более тысячи человек и было установлено, что 80 процентов членов КПРФ – это люди, которые являются бывшими либо нынешними государственными служащими. Это среднее административное звено, а не рабочие, т.е

КПРФ вообще не левая партия по составу. Я уж не говорю про другие партии, которые вообще не связаны с какими-то социальными группами. Можно только предполагать, что демократические

партии больше связаны с интеллигенцией, Жириновский – с какими-то маргиналами и криминальными группировками, НДР – это начальники, коммунисты – это пенсионеры, бывшие партийные работники среднего звена. К профсоюзам привязки партий тоже нет, потому что у нас пока еще ФНПР – самая сильная структура, старый бывший государственный профсоюз. А новые профсоюзы создаются на магистральных направлениях – профсоюз учителей, независимый профсоюз угольщиков и т.д. Но там лидеры быстро покупаются работодателями, и пока они не играют особой политической роли.

Так вот, не могут депутаты выполнять представительских функций, нет у парламента связи с обществом. Но и в самом обществе еще социальные группы не вызрели. Но вызревают постепенно, и здесь существует такая закономерность, что некоторые социальные группы формируются быстрее других, например те, у кого есть собственность, т.е. элита. Собственность нужно сохранять, поэтому собственники самоопределяются быстрее. И раз они сгруппировались быстрее, они нуждаются в представительстве. И у них три варианта того, кто будет представлять их интересы. Их интересы может представлять власть, их интересы может представлять бюрократия, их интересы может представлять пресса. Почему степень внимания к Государственной Думе у них мизерная? Потому что Дума не может реально представлять их интересы, у нее полномочий мало. Поэтому, только когда возникают кризисные ситуации, например, импичмент, тогда приносятся деньги, раздаются депутатам, чтобы они голосовали определенным образом. В этом смысле есть представительство. А для того, чтобы был принят какой-либо закон, эффективнее лоббировать правительство, потому что правительство вносит большинство законов, есть институт статс-секретарей, которые контролируют думские комитеты, и иные возможности и полномочия.

Финансово-промышленные группы проводят свои интересы прежде всего через правительственных чиновников. Поэтому приватизируются ведомства, отсюда высокая степень коррупции. Но в публичном пространстве интересы финансово-промышленных групп чиновник представлять не должен, а депутат не может, тут профессионализм определенный нужен, умения доказать, убедить

Поэтому эту функцию выполняют СМИ. Вот почему в 1995–1996 годах федеральные СМИ были приватизированы финансово-промышленными группировками.

Могла бы пресса выполнять представительскую функцию по отношению к обществу? Было бы общество, наверное, могла бы. Ведь у прессы есть и свои, корпоративные интересы.

Но пока пресса не власть в том смысле, чтобы обеспечивать контроль общества над другими ветвями власти, она сейчас – часть исполнительной, часть законодательной власти, она выполняет в основном представительскую функцию и представляет интересы тех людей, за которыми стоят какие-то ресурсы – не обязательно финансовые, это могут быть и административные ресурсы. Так что мы пока поставим запятую в вопросе о том, должна ли пресса формировать гражданскую позицию. И к этому вопросу еще вернемся.

Итак, при условии, что гражданская позиция ясна, пресса могла бы формировать гражданскую позицию, но ясности с гражданской позицией нет, с одной стороны, а с другой стороны, пресса тоже не сложилась как институт, который представляет именно интересы общества, всех социальных групп, а не только верхушечных. Пожалуйста, пусть элитные газеты будут, пусть будут газеты профсоюзные, пусть будет борьба между ними, реальная конкуренция. Вот эта функция представительства, контроля друг за другом различных социальных групп посредством прессы пока невозможна. Во многих регионах России она еще долгое время будет невозможна. И в целом, как пойдет развитие института прессы, в какую сторону, тоже сложно предположить.

У журналистов в такой ситуации возникает вопрос: "Что делать?". Мы ведь тоже конкретная социальная группа, у нас тоже свои интересы. Пресса тоже в какой-то степени элитный институт или, по меньшей мере, это средний класс, который должен сам определяться чуть быстрее, чем большинство населения. Что пресса сейчас может про себя сказать? В чем заключается собственный корпоративный интерес журналистов? Что мы должны делать? Одну функцию за нас уже решили. Эта функция заключается в том, что мы должны проводить интересы тех, кто платит нам деньги. С этим все понятно, но давайте не денежный аспект возьмем, а профессиональный. В чем заключается профессиональная деятельность журналиста? В формировании гражданской позиции? В том, что он производит некий продукт, точнее – два основных продукта, если грубо разделить на два основных жанра. Первый жанр связан с производством информации. Следовательно, профессиональная деятельность – это производство информации, ее трансляция и т.д. Это первая функция, которую у нас никто не отнимет. Можно давать дозированную информацию, акцентированную информацию, когда нам мешают или платят за это деньги, но, в принципе, главным все равно остается профессиональное производство информации

Когда говорят о том, что, 1-ый канал поддерживает того-то, 2-ой канал поддерживает того-то, на 3-ем канале поддерживают того-то, – это правильно. И это имеет отношение к дирекции информационных программ, но не к производству информации как к жанру. Есть аксиома: информация на самом деле вне идеологии. Между информацией и идеологией лежит четкая граница. Как только в информационной программе начинает появляться что-то за кого-то, что-то против кого-то, – это не информация. Существуют три основных жанра, три способа подачи текста или картинки с точки зрения воздействия на сознание. Это информация, это комментарий и это пропаганда и агитация.

Например, на телевидении нет ни одной аналитической программы, хотя мы знаем, что на каждом канале формально есть аналитическая программа. На 1-ом канале был Доренко, который якобы аналитическую программу вел, сейчас там Леонтьев с "Однако", тоже якобы аналитическая программа. Есть Киселев на 4-ом канале с аналитической программой, на 6-ом "Обозреватель" с Кучером. А на самом деле это не аналитические программы. Аналитика – это совсем иная технология, это прежде всего установление связей между событиями. Могут быть какие-то элементы аналитики в комментариях, подчеркиваю, в комментариях Киселева, потому что на самом деле то, чем они занимаются, это либо комментарий (как у Кучера), либо пропаганда (как у Доренко), либо сочетание и того и другого (как у Киселева).

Понятно, что здесь свои сложности во взаимоотношениях между категориями "информация", "комментарий", "пропаганда", но профессионал поймет, что я имею в виду. В теории, конечно, можно спорить о терминах, но на практике, когда занимаешься информационной программой, совершенно понятно, когда появляется комментарий, когда начинается пропаганда. С этим любой профессионал начинает бороться. Я приведу простой пример, из области так называемых информационных войн.

Когда начались события в Косово, не эти последние, а где-то года полтора назад, когда начались столкновения сербских полицейских и косовских боевиков, у нас на 1-ом канале выступал опытный комментатор, с большим стажем, международник. А я выполнял роль заместителя главного редактора информационного вещания. И вот с утра вдруг пошла информация, и все сюжеты антисербские. В чем причина? Я смотрю, в 9 утра – антисербские, в 12 – антисербские, в конце концов, я вылавливаю этого корреспондента, беру у него текст, начинаю смотреть. Текст очень простой, он пишет, что сербские полицейские обстреляли то-то, то-то, то-то, то-то. Я спрашиваю: "Ты где эту фразу взял?". Он отвечает: "В агентстве". Я спрашиваю: "В каком?". Он отвечает: "В "Рейтере". Я говорю: "Давай внимательно прочитаем "Рейтер". Читаем, "Рейтер" пишет: "По данным из албанских источников, сербские полицейские обстреляли..." и т.д. Я говорю: "Хорошо, ты дай этот сюжет. Скажем что, по сообщению "Рейтер", которое ссылается на албанские источники, сербские полицейские обстреляли албанцев, но тогда ты запроси другие источники информации – ИТАР-ТАСС, например, и сербские источники, согласно которым албанские боевики напали на сербских полицейских". Я просто пример привожу, что работа с информацией подразумевает достаточно сложную технологию.

Поэтому, отвечая на вопрос: "Что делать?", первое направление – это профессионализация своей деятельности, которая связана прежде всего с работой с информацией. Вы как наемный работник написали статью для работодателя, опубликовали программу политической партии, для губернатора что-то сделали. Но ваша основная обязанность – производить информацию, вы взяли и опубликовали, без комментариев, если это опасно для вас. Можно публиковать документы, дать информацию в пересказе, но именно в этом заключается основная функция средств массовой информации – давать людям информацию о том, что происходит, как можно больше, как можно более объективно и т.д.

Второй ответ на вопрос: "Что делать?" – и это является условием для того, чтобы профессионально выполнять свою работу, – это все-таки добиваться независимости, независимости от других ветвей власти. Когда говорят о том, что не может быть независимости, все зависимы и т.д., – да, все мы зависимы на уровне причинно-следственных связей, но при этом есть статус независимости, который совершенно понятен. Это, во-первых, диверсифицированные источники финансов, когда вы не привязаны к какому-то одному источнику.

Это, во-вторых, независимый юридический статус, когда у вас нет учредителя со стороны государства и кого-то еще. Это, в-третьих, ваша собственная, внутренняя независимость, ваша личная независимость как журналистов и редакторов от каких-то мифов, от каких-то политических партий, от каких-то обязательств перед властью. И можно добиться определенной степени независимости, достаточной для того, чтобы профессионально делать свою работу.

Чем, допустим, телекомпания "ВИД" отличается от эфирных телекомпаний? У эфирных

телекомпаний есть собственники, на эфирных телекомпаниях нет свободы, вы не можете производить программу, скажем так, реализуясь, говоря все, что вы хотите, потому что там есть определенные установки. Телекомпания "ВИД" как продакшн-компания может производить все, что угодно, дальше эфирная компания решает, покупать или не покупать нашу продукцию. Это уже условия договора.

Наконец, журналистская идентичность связана с профессионализацией, с журналистской корпоративностью. Кто должен сказать, что нужно, – это опять же личное дело каждого журналиста, каждой газеты. Потому что никто не вправе сказать: "Мы должны или вы должны". Можно сказать по отношению к себе: "Я должен потому-то, потому-то".

Я пытаюсь формировать точку зрения, но гражданская позиция это или что-то еще, не уверен. Скажем, я пытаюсь формировать определенное понимание каких-то процессов, даже не формировать, нет, пытаюсь объяснять суть каких-то процессов. Излагаю свою точку зрения на то, как я понимаю те или иные вещи, не претендуя на какую-то ответную реакцию или на то, что все обязаны меня понять.

Если мы сами, внутри себя имеем эту позицию, она естественным образом будет способствовать становлению гражданской позиции тех людей, которые хотят ее иметь